

МАМЕД АЛИ САФАРОВ

Крит

Из цикла «Сафари Сафарова»

Лица у людей, идущих вверх по узкой мощеной улице, напряжённые и решительные, а движущиеся им навстречу выглядят куда расслабленней – сразу видно, это отдыхающие, не обременённые заботами. Причина такого различия заключена в крутизне улицы. Публика здесь в основном не спортивная – уклон градусов в пятнадцать требует серьёзного усилия от поднимающихся. Если присоединиться к нисходящему потоку пешеходов, то справа будет ряд таверн – балконов, расположившихся вдоль берега. Балконами они выглядят оттого, что со стороны моря опираются на сваи высотой с двухэтажный дом. Стен у балконов нет, только крыши. Хотя, наверное, можно было бы обойтись и без крыш, дожди здесь редки. Противоположная тавернам сторона представляет ряд стоящих вплотную домов, а над подъездом того, что расположен против нашей таверны, вывеска – **Reality escape rooms**. Там какие-то «комнатки ужасов» и прочая ерунда. И туда никто не заходит. Потому что не та это реальность, от которой хочется убежать. Пустых столиков в тавернах немного – кормят здесь хорошо, отменное вино и шум прибора вместо музыки. Я вообще не люблю рестораны с музыкой – не поговорить. Ну, а греческая музыка меня раздражает особенно – похожа на турецкую – плаксиво-заунывная, вся разница в том, что, сколько ни вслушивайся, ничего не разобрать. Когда поют на турецком, общий смысл я схватываю.

А вот на греческом – ни слова. Но не в этом дело, в данном случае непонимание, – возможно, положительный фактор. Если допустить, что сходство мелодий подразумевает сходство слов в песнях.

Эту таверну мы выбрали ещё в самом начале пребывания в Херсониссосе, и почти каждый вечер приходили сюда. Обслуживание здесь на уровне искусства. Я имею в виду цирковое. Зазывала выучил несколько фраз на многих языках и так ловко ими жонглирует, что кажется полиглотом. Нас с женой он приветствует, естественно, на русском: «Привет, как дела. Заходите, заходите, ваш столик вон там. Вам красного или белого?» Это он о вине.

Официанты тоже жонглируют, только не словами, а посудой. Подбрасывают и ловят, пускают тарелки кататься по полу, да так, чтобы они, на манер бумерангов, возвращались к месту запуска. Один из официантов, Николас, вдобавок научился трюку с чашечкой – время от времени выходит на улицу и имитирует опрокидывание чашки на прохожих. Чашка, понятное дело, пуста, и упасть ей он не даёт, ловко подхватывает в последний момент. Люди вначале пугаются, а потом смеются. Тут в дело входит зазывала – и почти в половине случаев достигает успеха. Напуганные и следом развеселившиеся прохожие заворачивают в заведение.

Николас действует на грани фола – вот он подошёл к столику с сидящими за ним немецкими туристами. Стоит, имитируя пьяный ступор, а потом хватает начатый бокал с пивом, выпивает его и проворно убегает на кухню. Поражённые пожилые супруги молча смотрят друг на друга, а проказник через минуту возвращается с новым, полным бокалом, и со смехом ставит на место только что похищенного. Степенные немцы смеются, они не в обиде на шутника. И надо сказать, что разыграно в этой сценке только остолбенение, всё остальное – натуральное. Но, как говорится, «Пьян, да умён, два угодя в нём». Представление ведёт безукоризненно.

Я спросил его, как ему так удаётся, он лишь засмеялся в ответ и сказал, что трудно только в самом конце, к закрытию, а поначалу нормально. Конечно же, и зазывала, и другие официанты пребывают в том же состоянии, что и Николас. И к ним также применима та поговорка. Посетители всё время угощают их, нельзя отказываться, но нельзя и напиваться. Искусство быть «На лёгкой кочерге». На ней все, кроме одного, серьёзного парнишки лет двадцати, в очках. Он похож на студента с Кавказа, приехавшего в Москву и, на всякий случай, держащегося подчёркнуто вежливо и сдержанно. Такие были в семидесятых годах прошлого века, как правило, умные и хорошо воспитанные ребята. Не уверен, есть ли подобные сейчас.

Каждый вечер мы приходили сюда, если успевали вернуться с экскурсии не слишком поздно.

А посмотреть на Крите есть что.

И, помимо знакомства с традиционными туристическими объектами, интересно ведь оказаться в том месте, откуда пошла европейская цивилизация как раз в то время, когда наступило время её конца. По крайней мере, на мой взгляд. И это не в первый раз происходит подобное. Древняя средиземноморская цивилизация погибла после завершения Троянской войны, примерно три тысячи двести лет назад. Нахлынувшие неизвестно откуда варвары разрушили тогда всё – государства, города, храмы, исчезла письменность. Полное одичание, продолжавшееся более четырёхсот лет. В письменных источниках, сохранившихся ещё с тех пор, пока письменность не была утеряна, пришельцы названы «народами моря». Есть много предположений, кто они были, но достоверно неизвестно никому. Некоторая часть из них пришла, возможно, из Ливии.

Точно также, через три тысячи лет, люди, если только они будут существовать, станут ломать голову, откуда появились те, что разрушили великую цивилизацию, руины которой выглядят так волнующе прекрасно. Хотелось бы ошибаться, но, увы, это у меня плохо получается.

Невольно я рассматриваю всё, что вижу вокруг, через призму теле- и интернетных новостей. Вот Миноийский дворец, точнее, то, что от него осталось. Вот образцы древнего искусства из музея археологии в городе Ираклион. Свидетельства напряжённой духовной жизни и высокой культуры. И вот толпы пришлых в Европе, гонимых внешней злой силой, уничтожившей их дома, их простые мечты, их будущее. Носители разрушительного начала, инфицированные насилием. Заражённые жестокостью. Они уничтожат Европейскую культуру, точно так же, как народы моря уничтожили Крито-Микенскую и другие соседние. Может быть, это просто роковое возвращение, цикл существования, наивно понимаемое нами как некий эволюционный процесс? И Одиссей на самом деле не мог вернуться на Итаку, потому что там уже жили другие люди – дикие, с разрисованными телами, приносящие человеческие жертвы своим первобытным богам. Разрушающие всё, что напоминало об ушедших богах и поклонявшихся им людях. Дикари, убившие Лаэрта, Пенелопу и Телемаха.

Как знать. Но я отвлёкся.

От размышлений, не всем интересных, лучше обратиться к наблюдениям. Это тоже далеко не всем интересно, но я уж постараюсь.

Осмотр Крита мы начали, естественно, с Кносского дворца, построенного царём Миносом.

То есть сам дворец не сохранился, просто обтёсанные камни, уложенные рядами, боюсь, уложены они не древними строителями, а по приказу и плану сэра Артура Эванса, английского археолога, первого исследователя этих мест и по совместительству, конечно, шпиона. Ну, как же британцу за пределами Англии не пошпионить. Австрияки даже немного его арестовывали, но отпустили. Развалины и вся местность вокруг них напомнили мне дворец Альгамбра в Гранаде. Если встать

лицом к дворцу, то за ним поднимается гряда высоких плосковершинных холмов, точно как в Гранаде. А слева и внизу – город с домами ярко-белого цвета, крытыми красной черепицей. Те же тёмно-зелёные кипарисы среди белых домов. Цветовой контраст так силён, что тёмная зелень кажется почти чёрной. Красивый город, а всё же не Гранада. Вдобавок, на этом сходство завершается. Но что вы хотите, почти три тысячи лет разделяют постройки. Однако что-то общее между тем, что осталось от дворца Миноса, и мавританским дворцом, всё же угадывается. Ещё что бросилось в глаза – символы рогов, выточенные из камня, украшающие развалины. Здесь есть некая скрытая ирония, даже издёвка, известно ведь, что жена царя, Пасифая, изменила ему с быком. Не отсюда ли пошло выражение – «наставить рога»? Каково было царю видеть эти напоминания о позорном падении супруги повсюду в своём дворце. Рога каменные, рога метафорические, всюду рога. Миф о Миносе смело можно было бы назвать мифом о рогах. Рога быка, рога царя, рога Минотавра. Жена Миноса, блистающая дочь Солнца, Пасифая, восплавав страстью к красивому быку, велела искуснику Дедалу изготовить из дерева муляж коровы, обить его коровьей шкурой и поставить изделие на лугу, где пасся бык, а сама залезла внутрь муляжа и таким образом достигла желанной цели. Конечно, она понесла, и через девять месяцев на свет появилось чудовище – Минотавр, человеческий ребёнок с бычьей головой. И со странной склонностью пожирать человеческое мясо. Ни в отца, ни в мать.

Ну, и что же Минос? Его гнев обрушился отнюдь не на похотливую жену – дочь бога Гелиоса, к тому же из древнего рода титанов, тут надо быть осторожным, такие связи в верхах. И даже не на животное, украсившее голову царя рогами. Пострадал тот, кто вовсе и не был виноват, – мастеровой человек, Дедал. Его заключили в тюрьму, заперли в башне. Тогда изобретатель сделал две пары крыльев, для себя и своего сына Икара, и, выпорхнув из башни, они улетели на свободу. Но мы же помним, чьей дочерью была Пасифая, Солнце – Гелиос растопил воск, которым были соединены перья в крыльях, но не у Дедала, а у его сына. Боги знают толк в исполнении наказаний. Икар упал и погиб в волнах моря. Как минимум, два урока можно извлечь из этого мифа: первый – насколько опасно простым людям оказываться замешанными в делах сильных мира сего. Уместно вспомнить Грибоедова: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь».

Слово «барский» легко заменяется словом «божественный».

Второй урок – о европейском понимании справедливости. Царь Минос после смерти стал судьёй в царстве мёртвых, в Аиде. Тот, кто столь несправедливо судил живых, назначен судить умерших. За прошедшие тысячелетия мало что изменилось – живущие в Европе люди полагают, что они могут судить и поучать русских, избавивших их от новых воплощений Минотавра – Наполеона и Гитлера. Ну что же, будем снисходительны к тем, чьи дни сочтены. И эта обречённость меня несколько не радует. Стоит только представить себе Париж, Милан, Венецию в руинах, как овладевает ужас. Да, Европа, как глупая Красная Шапочка, сейчас вопрошает волка, забравшегося в постель её бабушки: «А зачем у вас такие большие зубы?» И скоро получит ответ.

Может ли это быть поводом для злорадства? И может ли нормальный человек не любить Францию? Италию? Ни слова об Испании, ибо помню разговор Дон Кихота с Санчо Пансой о прелестях Дульсинеи. Какую чушь нёс пожилой идалго! Не желаю уподобляться Дон Кихоту. Да и когда влюблённый был объективен?

Однако вернёмся во дворец Миноса. Точнее туда, где он, возможно, находился. Ныне это вполне коммерческое предприятие, вход на огороженную территорию стоит шесть евро. За эти деньги вы увидите груды камней, несколько ярко раскрашенных подделок под античность и больше ничего. Я на всякий случай подобрал там сосновую шишку. Может быть, удастся вырастить у себя сосну со столь почтенной родословной. Честно говоря, ожидал большего. Хотя бы в эмоциональном плане.

Гиды пытаются выдать руины дворца за развалины Лабиринта, но настоящего его места никто не знает. Того волнующего контакта с прошлым, что дарует Сикстинская капелла, Тадж Махал, Хиральда, таинственные строения Петры, я не ощутил. Только отметил, что небо над Критом имеет необычный оттенок – почти неуловимый светло-сиреневый, даже чуть сероватый. Нечто подобное бывает и в других местах, но только на рассвете и на закате. Полуденное небо с сиреневым оттенком – это особенность Крита.

Зато археологический музей даже превзошёл мои ожидания. Правда, смутные тревожные мысли о замкнутом цикле движения цивилизации нашли здесь множество подтверждений. Некоторые творения древних художников и скульпторов в сравнении с тем, что выдаётся за искусство теперь, обескураживают. Вот скульптура Философа – как можно было в камне отобразить размышление, столь глубокое и приводящее к таким печальным заключениям, читающимся на лице человека, жившего за несколько тысяч лет до нашего времени? Роден придал своему Мыслителю выразительную позу, вызывающую в нас соответствующие ассоциации. Но, в сравнении с античным творением, работа Родена – лишь свидетельство беспомощности модерна.

Древний скульптор просто изваял мысль. Истинное название скульптуры нам, конечно, не известно. «Философ» – это выдумка интерпретаторов.

Регресс – стремительный, современные «мастера» инсталляций издеваются над публикой, выставляя свои уродливые поделки – и где же здесь тот самый прогресс? Это ли не деградация? А дошедшие до нас женские профили, несмотря на неверное изображение глаз, будто в анфас, так свежо передают прелесть и кокетство тех, с кого написаны, что трудно поверить в их древность. Изменилось многое, в том числе и представление о красоте, но очарование античных красоток осталось жить в этих изображениях.

Знаменитый глиняный фестский диск, с таинственными надписями на нём, не произвёл особого впечатления. И расшифровать эти надписи едва ли удастся, мне кажется, что диск – всего-навсего первобытная рулетка, оборудование древнего казино. Колесо фортуны. Хотя, возможно, диск этот использовался для гадания, вращая его, люди пытались судьбу – некий аналог древнекитайской «Книги перемен». Что выпадет, то и сбудется. Второй вариант мне кажется более вероятным.

Зато другой знаменитый артефакт, фреска, на которой изображён человек, делающий немыслимое сальто через несущегося быка, поразила меня и не только красотой и мастерством исполнения, но и метафоричностью сюжета. Белая, значит, женская фигура, чудесным образом стоящая перед стремительным быком, держит животное за рога, возможно, пытаясь остановить его бег. Отважный акробат, прыгающий через быка, запечатлен в полёте, вниз головой, это мужчина – фигура красного цвета. Другая женщина, её белая фигура значительно выше ростом, чем та, что стоит перед быком, уже простирает свои руки ему навстречу.

Всего четыре фигуры – два существа мужского пола: бык и акробат, и две женские.

Вот человеческая жизнь, как прыжок – полёт, над бешеным быком, из объятий матери в руки смерти.

Вся фреска красива. Красива настолько, насколько вообще материальный предмет может быть красив. Больше – невозможно. Красива и загадочна. Всё в ней имеет тайный смысл.

Цвет одежды, размер изображённых фигур. Вспомните древнеегипетские рисунки – огромные боги и фараоны, маленькие простые смертные. Огромный бык и под стать ему та, что ловит акробата.

Рождение, Красота и Смерть. Мать, жена и убийца. Бесчисленные триединные ипостаси этой богини во множестве мифов всех народов Земли – свидетельство реальности её существования.

Нет, не спортивная забава изображена на фреске. Это иероглиф, воплощающий красоту, а его смысл – жизнь. От матери до смерти.

Учёные, да и просто здравомыслящие люди, прочитав эти строки, конечно, усмехнутся – надо же, договорился.

Из прохлады музейных залов мы вышли в город, полный зноя и чужой речи. И город, в котором мы не знали ни одной улицы, по контрасту с увиденным в музее показался нам знакомым. Обжитым и привычным. И сразу же эта иллюзия получила своё подтверждение. Продавщица из магазина рядом с музеем на чистом русском языке толково объяснила, как пройти до автовокзала. Возможно, оттого, что я был под впечатлением от посещения музея, девушка показалась мне очень красивой. Но, скорее всего, музей тут ни при чём. Ведь и Люба согласилась со мной. А она менее впечатлительная натура. Да и строже в оценках женской красоты.

Как безнадёжно бедна была бы наша с ней жизнь, если бы мы не побывали здесь! И сколько ещё есть таких мест на земле, которые уже просто не успеем увидеть. Пирамиды в Египте и Мексике, развалины городов в Андах, остров Пасхи, Тибет, Махенджедаро, таинственные места русского севера, да разве перечислить всё. То, что успели увидеть, – лишь свидетельство неисчислимости чудес. Два человека, бредущих, крепко держась за руки, от одного чуда к другому. Два маленьких, старых человека, спешащих наверстать утраченное время. Впрочем, мы не всегда вдвоём. Несколько раз путешествовали в компании с Лёшей Гавриловым и Светланой, его подругой и моей троюродной сестрой, а кроме того, иногда нас сопровождают не живые люди, а тени отошедших в мир иной. В Париже – мой Вийон, в Индии, в Хампи – мой Афанасий Никитин, в Испании – мой Кортес. Ну и здесь, на Крите, в одной компании с нами – хитроумный царь Итаки, Одиссей. Слово «мой» здесь не уместно, к Одиссею я отношусь иначе, чем к предыдущим своим спутникам. Первоначально мы хотели посетить как можно больше мест, связанных с его странствиями. Только для того, чтобы сравнить их описания с натурой. Но взлетевший курс евро помешал сделать это. Однако порой явно ощущалось присутствие тени этого великого странника и сочинителя. Одиссей мне не родня, как Франсуа или Афанасий. Моё отношение к нему не так однозначно, как к предыдущим спутникам. В русском языке бытует идиома: «Я бы пошёл с ним в разведку». С Одиссеем я бы точно в разведку не пошёл. Спасибо, не надо. Вот Диомед ходил, и что из этого вышло? Благополучно возвращаясь после опасной вылазки, Одиссей вознамерился всю славу и выгоду присвоить себе одному. Напал, понятное дело, сзади, но в этот момент луна вышла из-за облака, и Диомед увидел тень с занесённым мечом. Убивать мерзавца не стал, скрутил и погнал пинками в лагерь. А если бы не луна? Поговорка «Пинки Диомеда» навсегда вошла во многие европейские языки.

От тени такого героя можно ждать чего угодно, и у нас была возможность убедиться в этом. Но общая моя с ним страсть к описанию своих странствий примиряет, и я готов терпеть присутствие призрака. К тому же, покровительство Афины, сновка сочинителя и рассказчика, – всё это подкупает.

Но и у меня есть преимущество перед царём Итаки – моя Пенелопа путешествует со мной. Как-то давно я было собрался написать об Одиссее роман – но не хватило сил на осуществление замысла. Так, наброски, несколько моментов, привидевшихся ясно, но не выстраивающихся в линию повествования. И было там описание морского залива, служившего зеркалом Афине. Эта богиня, покровительница Одиссея, заглядывала в него, чтобы полюбоваться на саму себя. Женщина, как-никак. И вот, во время экскурсии в город Ханья, мы случайно обнаружили это место. Нет, не морской залив, а озеро Курнас, я увидел и описал, оказывается, ещё до встречи с ним. Довольно точно и вполне подробно. Надо ли говорить, что в древности на берегу озера располагался храм Афины. Теперь каждый может отыскать Кур-

нас в интернете и составить своё мнение об этом удивительном озере. Располагается оно в глубокой каменистой чаше, с неровными краями. Тот край, что повыше, накрыт облаком тумана. Это удивительно, ведь жарко, градусов тридцать, а тут туман. Вода в озере пресная, чистая и прохладная – нет, не холодная, приятная в жару, прохладная вода. До сих пор жалею, что не уговорил Любу поплавать в этом озере, для купания она предпочитает тёплую воду.

Итак, мы поехали в город Ханья, это западная часть острова. Разные волны перемен оставили здесь свои следы. Античный след, венецианский, арабский, турецкий, и, наконец, современный. Может ли не быть очаровательным город с такой историей? Конечно, не может. Сколько судеб, сколько жизней и смертей, счастья и горя, детства и старости, любви и ненависти, сколько всего этого переплетено здесь, на этих узеньких улочках, так похожих на узкие улочки в южных городах, так похожих на улочки в Бакинской крепости. Я уже неоднократно признавался, у меня нет привязанности ни к одному месту на земле. Да, я люблю Испанию настолько, что уже в преклонном возрасте немного выучил язык, но скажи мне завтра Господь, что остаток моих дней я проведу в этой стране, я тут же паду на колени и буду просить его отменить приговор. Описывая путешествие в Таиланд, я говорил, что существует в моей душе призрачная мечта о Граде. Изменчивая, сонная и неясная. Описать не возьмусь, но иногда, какой-то гранью она совпадёт с конкретным местом. То с Толедо, то с Гранадой, то с Парижем, то с Малаккой в Малайзии, то с Патаей в Таиланде, то с Баку, то с Дубовкой на реке Волга, и это совпадение пробуждает мечту ото сна, обращает в реальность и вызывает такой прилив любви, что никакими словами не передать. Именно к тому месту, в котором сейчас нахожусь. К счастью, это проходит.

И вот город Ханья, расположенный на морском берегу, когда идёшь по улочкам старой части города, дышишь жарким душным воздухом, и даже тень от высоких, теснящихся вдоль старой мостовой домов, не приносит прохлады, вдруг, из переулков, выходящих на набережную, тебя обдаёт прохладный морской воздух. Сходное ощущение испытываешь, когда в жаркой стране подходишь к двери магазина. И прохлада от работающих на всю мощь кондиционеров веет из автоматически распахнувшейся двери. Но только там с прохладой смешаны магазинные запахи, а здесь – пьянящий и освежающий аромат морского простора. В каменной теснине струя прохладного морского воздуха – тихое свидетельство гениальности древних градостроителей.

Мы бродили по старому городу и пришли, конечно, в еврейский квартал. Почти в каждом старом европейском городе он существует. Иногда такой район называется гетто, хотя смысл этого понятия изменился в двадцатом веке: гетто было не то место, куда евреев сгоняли, а наоборот, место, выбранное ими самими, чтобы жить там по законам, данным Моисеем. Как правило, ценой огромных взяток обретали евреи это право. Ну, а после трагедии, произошедшей в тридцатые – сороковые годы двадцатого века в «цивилизованной» Европе, понятие «гетто» приобрело иной оттенок.

Итак, очарованные, забывшие про усталость, шли мы по узким улочкам, украшенным балкончиками с яркими цветами. И вдруг, на белой стене одного из домов я с изумлением прочитал поэтические строки, написанные, чем-то чёрным, кажется, фломастером: *«Tu no tienes la culpa mi amor, que el mundo sea tan feo»* (Не твоя вина, моя любовь, что мир так безобразен).

Не веря своим глазам, потрясенный, стоял я перед стеной с надписью. Здесь, в еврейском квартале древнего греческого города, вдруг эти слова на испанском. Не на английском, не на греческом, – на испанском. Адресованные, очевидно, кому? Что, здесь много испанцев? Или мексиканцев с аргентинцами? Я увидел в этой строке начало некой мистической полемики. Ответ на обращение пришёл мне на ум сразу, как только мы отошли от того дома.

«*Hombre, tu guapísima amor – es solo una piquena partida de este mundo, tan feo*» (Дружище, твоя прекраснейшая любовь – всего лишь малая часть безобразного мира). Вернуться? Но автобус с туристами ждать не будет, и пока я найду, где купить фломастер, мы обязательно опоздаем. И вот теперь, когда я пишу эти строки, мной владеет уверенность, что мои путевые заметки «Сафари Сафарова» будут переведены на испанский и опубликованы. И таинственный автор той надписи прочтёт их и однажды ответит мне. Наивно? Но, как говорили древние китайцы: «Искренность возбуждает небеса». А с помощью высших сил всё возможно, ведь наивность – не более, чем частный случай искренности.

Здесь надо оговориться. Моя любовь к «местечкам», или гетто, то есть местам, где когда-то селились евреи, обусловлена не какими-то еврейскими корнями – я в достаточной мере знаю свою родословную – азербайджанские беки, иранские купцы, горские таубии, русские крепостные, ногайцы, кого там только нет! Нет там только евреев. Причина интереса и симпатии в том, что я слишком хорошо понимаю, не будь в прошлом этих «местечек», облик современных городов не был бы столь богат на оттенки, не был бы так очаровательно разнообразен. И мне нравится бродить по улицам, где когда-то ходили бородатые мудрецы-гебраисты, хитрые ростовщики, самые наивные мечтатели и самые прагматичные дельцы. И раздражение, которое неминуемо вызывают их потомки – банкиры, политики, артисты – юмористы, нисколько не уменьшает моего уважения и даже любви к этой древней породе.

Все города Средиземноморья имеют схожие черты, чаще трудноуловимые, не поддающиеся описанию. Испания, Италия, Греция, Турция, сумма мест, имевшая в древности название – Ойкумена. Различий между ними, конечно, много, заметить и описать их легче, чем передать то самое, ускользающее, мистическое сходство. Турция – мусульманская страна, Испания и Италия – страны католические, Греция – православная. И ещё, различие в архитектурном облике селений и городов. Люди тоже отличаются, если присмотреться, внешне. Поразительно, после стольких волн переселений, после столетий турецкого владычества среди женщин и мужчин, населяющих Крит, нет-нет, да встречаются типы, подобные запечатлённым древними скульпторами и художниками. Статные, высокого роста, таких почти нет в Италии и Испании и мало в Турции. Мужчина ростом около двух метров – здесь не редкость. Да и в грубой выразительности лиц угадывается сходство с предками, положившими основу европейской цивилизации. Древний народ. А вот пребывание под властью турок проявляет себя порой самым неожиданным образом.

Моя хромота становится особенно заметна, когда я поднимаюсь в гору. Так, на Шри-Ланке, после того, как я преодолел крутой подъём и поднялся на высокое плато Сигирия, люди встретили меня аплодисментами. Люди из разных азиатских и европейских стран аплодировали мне, и это было, кажется, единственным случаем в моей жизни.

Здесь, на Крите, когда мы поднимались в гору, группа местной молодёжи обогнала нас, и один шутник, под весёлый хохот других юношей и девушек, стал копировать мою походку. Не уверен, но думаю, подобного не могло произойти ни в Испании, ни в Италии, ни в Турции. Люди редко смеются над инвалидностью, это как-то не принято. Так же не принято, чтобы товарищи по разведке нападали на своих, желая присвоить славу себе одному. Как Одиссей на Диомеда. Но, как мы видим, существуют особенности национальной разведки и национального юмора. Сказать, что выходка шутника задела меня, наверное, нельзя. В его возрасте я и бегал, и прыгал, и лазил по горам на уровне спортсмена-разрядника. Ну, а теперь отбегался, не страшно. Однако копировавший меня юноша рассказал о местных людях явно больше, чем хотел бы. Как тот воробышек, что клевал хлеб с моей ладони в

итальянском ресторане, поведал нам об итальянцах больше, чем множество хвалебных рассказов о чудесной стране и её народе. О стране, где маленькие птички не боются людей.

Униженное положение на протяжении многих поколений отрицательно сказывается на национальном характере. Поэтому рассказы гидов о многочисленных зверствах турок лично у меня не находили особенного отклика. Может, так и было, а может, и не было. Выйдя из-под чужого владычества, бывшие покорённые народы склонны преувеличивать свои мучения под гнётом прежних господ. Существуют легенды о зверствах испанцев в Латинской Америке. Зверствовали на самом деле англичане и голландцы в Северной Америке, а в Южной – немцы, итальянцы и другие представители европейских народов. Особым зверством отличались солдаты повстанческой армии Боливара, уничтожавшие испанское население без различия пола и возраста. Но помнят все о жестокости испанцев. Представляю, что сейчас рассказывают гиды в Прибалтике о зверствах русских. Но я знаю о зверствах латышских стрелков во время национальной трагедии великого народа. Оказавшись у кормила власти, они убивали русских в их стране, просто за национальную принадлежность. Русские, в большинстве своём, забыли об этом. Даже не требуют у Латвии контрибуций и компенсаций. Хотя, конечно, по справедливости, надо бы. Просто, чтобы не скулили.

Не вызывает сомнений, что зверства со стороны завоевателей было предостаточно. Но вот кто мне объяснит, почему во время битвы между войсками султана Баязета и эмира Тимура братские, по отношению к туркам, крымские татары вдруг предали султана и перешли на сторону врага, а христианские рыцари – порабощённые сербы, предпочли смерть предательству. Все до одного погибли, сражаясь за сатрапа. Что-то тут угадывается, о чём не любят говорить интерпретаторы истории. Кстати, о них, об интерпретаторах.

Во время одной из экскурсий нам показали очередной памятник древности – раскопанный участок площадью в несколько сот квадратных метров, обнажившиеся из-под слоя земли каменные строения. По рельефу окрестностей раскопок угадывалось, что вся эта местность некогда была застроена, и много чего можно было бы найти, расширив площадь поиска.

Но не ищут. Наш гид, производивший впечатление образованного и думающего человека, на мой вопрос: «А не боятся ли учёные обнаружить что-то, что не соответствовало бы их представлениям и концепциям?» неожиданно и совершенно спокойно согласился со мной: «Наверное, так оно и есть».

Действительно, для них всё уже достигнуто – учёные степени получены, уважение, признание, наконец, безбедное существование. Чего, спрашивается, копать. Ведь не известно, что выкопаешь.

Вон, откопала американская исследовательница артефакты, опровергающие принятую наукой версию заселения человеком Американского континента. Ну и чего добилась? Просто о ней забыли, вычеркнули из списка «учёных». А не беспокоят солидных людей. Солидные люди предпочитают спокойную жизнь.

Но вернёмся на Крит. Я уже говорил, что века унижений и приспособлений к чужой воле калечат национальный характер. Не всегда, согласен, не всегда.

Гордые и дружелюбные испанцы несколько веков жили под владычеством мавров. Русские – под татарами, или монголами, или теми и другими, если только всё это не выдумки, про монголо-татарское иго. Для греков порабощение не прошло столь бесследно. Некоторые черты национального характера до сих пор напоминают о былых обидах и унижениях. Судите сами. Зашли мы в магазин, и я принялся выполнять обычную свою роль переводчика между моей женой и продавщицами.

Одна из них, женщина лет сорока, с выбритой наполовину головой и татуировками на бритой поверхности, стала говорить со мной на греческом. Она всего лишь холодно усмехалась при этом, а остальные девушки покатывались от смеха. Здоровая такая бабка, с крепкой, мужской шеей и сильными плечами. Глядя прямо мне в глаза, произносит не понятные мне, но очень веселящие её подруг слова.

Я её спрашиваю: «Что ты меня материшь, я же ничего плохого тебе не сказал?» А там много выходцев из СССР, кто-то да поймёт, что я говорю. Нет, никто не реагирует, представление продолжается. Ну, а мне не хочется прибегать к ядерному оружию русского мата. Женщина, как-никак. И пустил в ход тактическое оружие мата на азербайджанском языке. Мама, папа, все похожие на невежливую продавщицу были аккуратно мной упомянуты. Видимо, есть в звучании скверных слов какие-то интонации, оскорбительные уже по одному только звучанию, я на эти интонации и рассчитывал.

Но дело в том, что происходило это в Греции! Полубритую ведьму как ветром сдуло, а подружки её, только что так веселившиеся, стали вдруг серьёзными и вежливыми.

Только тогда я сообразил, что нецензурные слова азербайджанского языка точно похожи на те же слова в турецком. За много веков покорного выслушивания всего подобного, видимо, выработался рабский рефлекс. Бритая ведьма напугалась.

Судить по описанным мной случаям обо всём населении греческого острова Крит совершенно неправильно, стоит вспомнить официантов из нашей таверны, приветливого хозяина гостиницы, где мы остановились, нашего гида, которая старательно и интересно рассказывала нам о жизни острова и его людях. Вполне серьёзно рискуя своей работой, она по секрету поведала мне, что остров Спиналонга, где раньше находился лепрозорий, впоследствии использовался как место ссылки коммунистов. Жизнелюбивые греки едва ли придут на собрание или митинг, где есть предположительные носители проказы. Даже если они зовут в светлое будущее и справедливое устроенное общество.

Наконец, надо упомянуть обитателей монастырей, монахов.

Говоря об отрицательном влиянии иноземного ига, нельзя забывать и о других, противоположных последствиях его. Особенно ярко они проявляются, если поработители исповедуют другую религию. От этого отношение к своей вере приобретает трепетный характер. Именно такое отношение к православию мы видим в Греции. Сильнее всего это ощущается в здешних монастырях. Монастыри на Крите – это отдельная тема, для её освещения требуется более глубокое знание предмета. Я же, случайный наблюдатель, отмечу лишь красоту и чистоту монастырских строений.

Принято говорить: «Чисто, как в операционной». При описании православных монастырей на Крите я бы сказал иначе: «Чисто, как в раю». И также красиво. Хотя, конечно, в раю я не был. Но предполагаю. И обитатели этих монастырей – наверняка, верующие люди.

Во всяком случае, в их манере, в их облике не угадывается никакого усилия по исполнению роли. И в глазах нет обычной для служителей религиозных культов хитрости, что всегда вызывает во мне настороженность и отторжение. Эти люди не выглядят как чиновники Господа Бога, сановные, важные, очень телесные, легкие мишени для пасквильантов и насмешников.

Православные монахи здесь держатся вполне естественно и доброжелательно. И для того, чтобы восстановить в памяти их образы и великолепие их обиталищ, мне почти не надо делать усилий. Это очень живой и сильный знак памяти.

Но не все монастыри, по моим ощущениям, обладают такой благодатью. Это различие мне показалось интересным и важным моментом.

Только в некоторых из монастырей ощущаешь возможность существования далёкого прообраза этого места – рая.

Вот интересно было бы определить и рассказать, в чём разница между монастырями. Но описать это ощущение не возьмусь. Не получится. Интересующимся проще съездить и проверить. На Крит, разумеется, в монастыри. С раем лучше повременить, насколько возможно.

Во впечатлениях о посещении монастырей есть, конечно, нечто загадочное. Ведь в принципе, ничего особенного вы здесь не увидите – ну, олеандры, ну, бугенвиллии, араукарии и кипарисы – так они здесь везде. Искусно сложенные каменные постройки – тоже ничего удивительного, камень здесь дармовой, и люди, конечно же, научились работать с ним. Точно так же, как в центральной России научились создавать шедевры зодчества, используя древесину. Я не религиозный человек, а с момента массового духовного прозрения, когда все вдруг взяли и уверовали – от бандитов до депутатов и шоуменов, я почти атеист. Однако назвать материальную причину особого состояния души на территории некоторых – подчёркиваю, некоторых монастырей на острове Крит не возьмусь. Это не радость, не печаль и не любопытство. Нечто другое. Хотя всё Средиземноморье обладает какой-то необъяснимой привлекательностью. Океанические пляжи – бесконечные, сверкающие и безлюдные, внешне куда как красивее, к тому же мягкий песок и мягкие цены на всё, что ловят рыбаки в вечно тёплых водах. Однако есть некий магнит, заставляющий нас возвращаться на эти неудобные, каменистые пляжи, забывая при этом о высоких ценах в европейских ресторанах и о волшебстве океанических пейзажей с пальмами и казуаринами. Взять хотя бы острова – остров в океане – это сухопутная часть бесконечного водного простора. Остров в Средиземном море – это бунт суши против воды.

Могу с уверенностью сказать, что ощущения силы таинственного магнита возрастают в некоторых местах Средиземноморья в разы. И те православные монастыри, о которых идёт речь, входят в число этих мест.

Вспоминается рассвет над морем в Аликанте, который я встретил в кресле на балконе своего номера. Надо было спешить, экскурсионный автобус уже сигнализировал, подгоняя опаздывающих, но не было сил оторваться от зрелища солнца, восходящего над Ливаном и устремляющегося в привычный свой путь к Геркулесовым столбам. Но в этом воспоминании я могу назвать детали очарования – подсвеченные снизу лёгкие облака, сверкающая полоса воды, здесь же не возьмусь выделить что-то конкретное.

Воспоминания о других наших экскурсиях на острове слились в одно – горные дороги, вид на море, оливковые рощи и сиреневое небо над головой. На Спиналонге – развалины лепрозория, на южном, обращённом к Африке берегу, – пещеры в прибрежных скалах, дорогие виллы и надпись на английском, огромными буквами на плакате: **«Завтра не наступит никогда».**

Это лозунг хиппи, обитавших здесь, в дни нашей юности, в те времена, когда мы должны были строить коммунизм. Идеей его построения наше государство пыталось обмануть своих молодых.

Лозунг, противоположный лозунгу хиппи, выглядел так:

«Коммунизм – светлое будущее всего человечества».

И как же мы должны быть благодарны за этот обман, спасший нас от того страшного, рокового, обмана о том, что завтра не существует. Я, пожилой путешественник, живущий уже не в завтра, а в послезавтра, против времени моей молодости, только теперь могу оценить степень циничности этого обмана. Свидетельствую, что завтра наступило и уже даже прошло, и будет наступать всегда, пока мы верим, что есть сегодня, и помним, что было вчера. *Но тем, кто правит этим миром, чтобы обеспечить благополучное завтра своим детям, необходимо внушить всем остальным, что завтра не придёт.*

Успокойтесь, расслабьтесь, кайфуйте. И не суетитесь, и не мешайте нашим дорогим чадам занимать их места под солнцем. Только сейчас весь масштаб чудовищного обмана стал ясен для меня, с высоты прожитых лет.

Идеология хиппи не возникла спонтанно, для этого она слишком уж отвечала интересам сильных мира сего. «*Занимайся любовью, а не войной*», «*Всё, в чем ты нуждаешься, – любовь*».

Философия любви, практика любви, свободная любовь, наконец, однополая – кому какое дело, кто кого как любит! Всё на выбор, вместо христианской любви. Интересно, кто заинтересован в этой подмене? Впрочем, когда рухнет цивилизация христиан, ответ будет ясен.

Завтра обязательно наступит. Только для тех, кто молод и несмышлён. Для меня и моих ровесников уже не успеет наступить. Но хочется, отчего, сам не знаю, найти слова, чтобы убедить несмышлёнышей в моей правоте. Может, это от того, что в юности меня обманывали идеей коммунизма. Может, в каких-то глубинах души я и поверил. Все мы внушаемы.

Ну вот, опять я отвлёкся от описания Крита. Моей непоследовательности есть оправдание – слишком многое здесь заставляет задуматься. Вспомним ту статую из музея археологии – размышление и печаль, запечатлённые в камне. Если вы хотите посетить остров, но колеблетесь, то вот мнение человека, побывавшего здесь. Ехать стоит, только чтобы увидеть этот шедевр. Достаточно этой причины. Ну и, конечно, всё остальное – море, монастыри, таверны, города. Тот, в котором мы жили, называется Херсониссос. Главной своей улицей он вытянулся вдоль моря, и кипучая жизнь туристического места наполняет эту артерию днём и ночью. Мы уже имеем достаточно опыта, чтобы оценить сходство подобных мест во всём мире. Будь это Италия или Вьетнам, или какая угодно европейская или азиатская страна, везде похожие отели, и весь антураж. Люди, еда в ресторанах и сувениры в лавках, конечно, отличаются. А так всё везде одно. Но природа, люди и памятники прежних времён – вот то, что манит нас и заставляет собираться в дорогу. Еда и сувениры – не главное. В Херсониссосе мы жили в двухзвёздочном отеле. В двухзвёздочном потому, что просто не было однозвёздочного. Нам и такой бы сошёл.

Конечно, никаких видов на море – это дорого. Вместо моря наши окна выходят на бассейн. Живём мы на втором этаже, и поэтому достаточно открыть балконную дверь, чтобы услышать родную речь – большинство туристов – такие же, как мы, небогатые люди из России. И ещё одно преимущество: наш балкон обращён на восток, это даёт мне возможность утром любоваться на восходящее солнце через бокал с красным вином. Наполнив, таким образом, и вино, и себя светом Гелиоса, я опустошаю стеклянный сосуд. И это начало моего завтрака. Жена не поддерживает моей привязанности к этому ритуалу. Лишь иногда соглашается составить мне компанию. А на мой неизменный вопрос, чувствует ли она привкус солнечного света в напитке, отвечает всегда коротко: «Не фантазируй, вино как вино».

Как и везде, мы мало времени проводим в номере – только спим, ну и телевизор по вечерам смотрим, новости. Политики, знаменитости, беженцы, террористы. Мы живём в этом калейдоскопе, нравится это нам или нет. Впрочем, суматоха и несправедливость – это плата за то, что мир стал маленьким, и даже простые люди приобрели возможность видеть его в разнообразии. Каких-то полвека назад путешествия были привилегией очень немногих.

А вот теперь, достаточно посмотреть из окна нашего номера, чтобы увидеть самых что ни на есть простых людей, они плавают, загорают, выпивают – словом, наслаждаются жизнью, и смотреть на них нам весело и приятно. Особенно запомнились нам три подружки. Две – высокие, смуглые, немного, самую малость, монголоидные. Третья – хрупкая и золотоволосая. Девушки пытались лежать на воде

в бассейне, но у светленькой не получалось, она тонула. Подруги помогали ей, как могли, и примером, и советом. «Звездочкой ляг, звездочкой». Не выходило, и всё тут. Тонула.

В один из последних наших дней на Крите эти девушки зашли в нашу таверну. Сразу после нас, мы ещё не успели выпить вина. Ну, может только пригубить. Так что сумасшедшая идея пойти и познакомиться с ними появилась у меня не от выпитого. Просто так захотелось. Я сказал жене, она пожала плечами: «Рискни».

Надо отметить, очень точно сформулировала. Учитывая мой возраст и мою хромоту, риск налицо. Я представил, как буду возвращаться на своё место, если моя попытка встретит холодный приём. «Старый дурак», – моя жена, конечно, не скажет это и даже не подумает. Просто пожалеет. Ну и этой жалости достаточно, чтобы не решиться. Я встал и подошёл к столику, за которым уселись девушки, и сказал им:

– Надоело смотреть на вас сверху вниз, дай думаю, хоть поговорю.

Они переглянулись. Я объяснил, как мог коротко, что мой балкон выходит на бассейн. И в той же лаконичной манере продолжил:

– Хочу сказать: плавучесть девушки зависит от её красоты. Если красота себя выражает пышностью форм, такая будет парить в воде, как чайка в небе. Но красота разная бывает – если это изящная красота, хрупкая и грациозная... – я махнул рукой, – это путь в пучину. Хоть звездочкой ложись, хоть как, всё равно, утонешь. Закон физики.

Допускаю, может, смеялись мои собеседницы из уважения к возрасту и из вежливости. Но тогда это было очень большое уважение и какая-то гипертрофированная вежливость.

Девчата были из Самары, и ещё я спросил, как им нравится Крит. Они сказали, что очень нравится, но сравнивать им, собственно, не с чем. И я пожелал им, тоже не из вежливости, а от души, объездить весь мир. Когда самаритянки уходили, они помахали нам на прощание.

Дай бог, чтобы моё пожелание трём подругам сбылось. Ведь эра туризма стремительно идёт к завершению. Слишком много опасностей – вирусы, стремительно разлетающиеся вместе с их носителями по всему свету. Раньше смертоносные инфекции выкашивали целые регионы и, не имея возможности к распространению, за- таивались до времени. Теперь картина другая – в любой момент роковая мутация вируса может уничтожить миллиарды. Никаких водородных бомб, астероидов и топоров не надо. Вирусы. Вирусы и самолёты.

И растущая разобщённость – религиозная, имущественная, идеологическая. И нестабильность политическая и финансовая – рухнет банковская система, – какой уж тут туризм. А без туризма – как? Это не только отели и самолёты, это и сотовые операторы, и обслуга, и даже вязальщики веников для уборки в гостиницах. Страшно подумать, сколько людей лишатся работы, если другие лишатся возможности путешествовать. Хотелось бы, чтобы пронесло, но как? Может, чудо.

Последний наш день на Крите мы провели в гостинице, пошли на бассейн, а перед этим я купил три литра красного вина. И оказалось, что такое это хорошее место, этот остров, здесь можно прекрасно жить, даже если никуда не ходить. Но, как говорили в советские времена: **Это не наш метод.**